

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-697-709

УГРОЗА ТЕРРОРИЗМА В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Н.Г. Рогожина

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук, Москва, Россия

Статья посвящена анализу влияния ИГИЛ (ИГ, «Исламское государство») (запрещено в России) на развитие джихадистского движения в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА) с сопутствующим ростом угрозы терроризма в регионе, где проживает 15% мусульман мира и где уже давно действуют террористические организации исламистского толка, вынашивающие планы по созданию здесь салафитского халифата. Выясняются причины уязвимости мусульманских стран ЮВА к распространению идеологии радикального исламизма, что создает предпосылки для вовлечения местных джихадистов в мировое террористическое движение с опасными для стабильности региона последствиями.

Создание ИГИЛ представляет непосредственную угрозу для безопасности стран ЮВА, поскольку побуждает к активизации действий местные экстремистские группировки исламистского толка. Все они едины в своем отрицании демократической системы власти, на смену которой должны прийти исламское государство и шариат. Атака на г. Марави (юг Филиппин), предпринятая местными экстремистами, сторонниками ИГИЛ, стала предупреждением для других стран ЮВА об усилении опасности регионализации терроризма в странах Юго-Восточной Азии и превращения региона в новый фронт террористической деятельности группировки ИГИЛ, планирующей создать здесь свой плацдарм. Автор анализирует риски, связанные с усилением интереса к региону ИГИЛ, которое целенаправленно ведет работу по расширению здесь своей социальной базы и мобилизации своих сторонников, рассматривая регион как основной плацдарм по вербовке боевиков в рамках проведения стратегии экспорта терроризма силами «волков-одиночек». В этих целях применяются разные политические инструменты, среди которых наиболее эффективным способом идеологического влияния на местное мусульманское общество становится пропаганда джихада в Интернете.

Автор полагает, что создание ИГИЛ способствовало оживлению терроризма в странах ЮВА и появлению множества мелких ячеек такого рода, что повышает уровень террористической угрозы в регионе. Воздействие ИГИЛ на политическую ситуацию в ЮВА проявляется напрямую — в нарастании экстремизма и росте угрозы терроризма — и косвенно — в усилении исламистского радикализма в политическом развитии мусульманских стран.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, терроризм, ИГИЛ, джихадисты, радикализация, экстремистские организации

На фоне роста угрозы терроризма в странах Ближнего Востока, Европы, Южной и Центральной Азии ситуация в Юго-Восточной Азии до последнего времени представлялась достаточно стабильной. Большинство террористических атак удавалось предотвратить, и даже самый крупный теракт в Джакарте в январе 2016 г. к массовым жертвам не привел. Тем не менее регион ЮВА относится к числу самых уязвимых в плане распространения идеологии радикального исламизма с сопутствующим ростом насилия и укрепления позиции экстремистских организаций, сторонников запрещенной в России группировки ИГИЛ.

В регионе проживает 15% мусульман мира, или 250 млн человек, что составляет 40% от общей численности населения стран Юго-Восточной Азии. Только в Индонезии, самой крупной мусульманской стране мира, 253 млн человек (87,8% населения) исповедуют ислам суннитского толка. И несмотря на то что традиционно мусульмане региона придерживаются ислама умеренного толка, радикальный ислаимзм уже давно пустил свои корни в местном мусульманском сообществе, создав условия для формирования экстремистских исламистских организаций, которые с конца 1990-х гг. активизировали свою деятельность, заявив о себе серией крупных терактов. Их связь с международными джихадистами, прежде всего с запрещенной в России группировкой «Аль-Каида», установленная еще в бытность войны в Афганистане в 1980-х гг., стала фактором повышенного риска для безопасности не только самих стран ЮВА, но и для мира в целом. США после теракта 11 сентября 2001 г. объявили регион ЮВА «вторым фронтом глобальной борьбы с терроризмом», поддерживая национальные государства в противодействии этой угрозе на местном уровне.

О том, что эта борьба с исламистским экстремизмом в Юго-Восточной Азии была не завершена, говорит сам факт возрождения и приумножения террористических группировок за последние 3 года и появления в рядах местных мусульман сторонников ИГИЛ, которое рассматривает регион одним из своих форпостов в мире. Подтверждением этому служит осада террористами, сражавшимися под флагом ИГИЛ, города Марави на юге Филиппин в середине 2017 г.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ — НОВЫЙ ПЛАЦДАРМ ИГИЛ?

На юге Филиппин уже не одно десятилетие действуют мусульманские сепаратисты и исламистские террористы, борьбу с которыми президент страны Р. Дутерте объявил приоритетом своей внутренней политики, разместив более 10 тыс. солдат в провинции Минданао (второй по величине остров Филиппин, 20% населения которого являются мусульманами-суннитами). Но то, что исламистские экстремисты 23 мая 2017 г. предпримут атаку на г. Марави (полное название — Исламский город Марави), крупнейший в этой части страны (200 тыс. жителей) и будут удерживать его в течение многих недель, стало для властей полной неожиданностью.

Р. Дутерте вынужден был прервать свой официальный визит в Россию (22—26 мая 2017 г.), в ходе которого обсуждался вопрос о налаживании стратегического сотрудничества между странами, в том числе и в борьбе с терроризмом. Воспользовались ли террористы отсутствием Р. Дутерте на Филиппинах или их акция была давно спланированной? По всей видимости, последнее, если принять во внимание тот факт, что они имели четко разработанный план действий, были оснащены современным оружием в таком количестве, что смогли выдерживать длительную осаду города.

На возможность превращения о. Минданао в опорную базу ИГИЛ в Юго-Восточной Азии эксперты указывали неоднократно [Gunaratna 2016]. ИГИЛ еще летом 2016 г. распространило видеообращение с призывом к своим сторонникам в ре-

гионе присоединиться к моджахедам на Филиппинах с целью провозглашения там халифата. Эта идея — не новая для радикально настроенных мусульман в Юго-Восточной Азии, поэтому призывы ИГИЛ находят у них живой отклик.

Террористическая атака на г. Марави была инспирирована непосредственно ИГИЛ. Весной 2017 г. Абу Бакр аль-Багдади разработал план операции, которую должны были провести местные террористические организации, присягнувшие ему на верность [Gunaratna 2017: 5]. По сообщению филиппинских военных, на момент захвата г. Марави «с целью превращения его в «чисто исламский» город, ИГИЛ смогло мобилизовать 300 боевиков¹, которыми руководила группировка Мауте (также известная как «Исламское государство в Ланао»). Во главе ее стоят два брата — Омар и Абдулла Мауте, выступающие с позиции исламистского радикализма в его наиболее экстремистских формах. Они прошли обучение в исламских учебных заведениях на Ближнем Востоке. По мнению экспертов Института политического анализа конфликтов в Джакарте, террористическая группировка Мауте «имеет в своем составе самых умных, самых образованных и самых умудренных опытом сторонников ИГИЛ на Филиппинах» [Pro-ISIS Groups... 2016: 14].

Однако роль группировки Мауте в распространении терроризма на Филиппинах была недооценена спецслужбами. После уничтожения правительственными войсками в апреле 2017 г. лагеря ее боевиков военные полагали, что нанесли по ней сокрушительный удар. Но последующие события это опровергли. Напав 23 мая на г. Марави, террористы убивали солдат и мирных граждан, брали их в заложники, чтобы использовать в качестве живого щита, подожгли школу и католическую церковь, захватили тюрьмы и выпустили осужденных, среди которых были и их сторонники. По разным подсчетам, число боевиков колебалось в пределах 200—400 человек.

Для их подавления привлекли армейские подразделения, в поддержку которых были направлены штурмовые вертолеты, наносившие точечные удары по местам нахождения террористов. Но освобождение от них города осложнилось проведением операции в городских условиях. Уличные бои велись при яростном сопротивлении боевиков, хорошо знакомых с географией города и подземными коммуникациями, которые они использовали для своего укрытия. Сколько точно людей убито в ходе столкновений, неизвестно. По официальным данным, число погибших за 2 месяца боевых действий составило 630 человек, в том числе 471 боевик, 45 гражданских лиц и 114 филиппинских военных и полицейских².

Президент Р. Дутерте уже 23 мая ввел военное положение на о. Минданао сроком на 60 дней и при необходимости намеревался распространить его на всю

¹ Allard T. Seizing of Philippines city by Islamist militants a wake-up call for Southeast Asia. June 3, 2017. URL: <http://www.reuters.com/article/us-philippines-militants-battle-insight-idUSKBN18U0D0> (accessed: 15.08.2017).

² 'Reinforcements' caught sneaking into Philippine warzone. 28 July 2017. URL: <http://www.thestar.com.my/news/regional/2017/07/28/reinforcements-caught-sneaking-into-philippine-warzone/> (accessed: 20.08.2017).

страну в случае нарастания угрозы терроризма. Это решение было продиктовано тем соображением, что не исключалась вероятность эскалации ситуации на юге страны.

Почему именно юг Филиппин был выбран ИГИЛ для создания здесь своего плацдарма в Юго-Восточной Азии, вполне объяснимо по ряду причин. Во-первых, следует отметить удачное географическое расположение региона в непосредственной близости к морским границам Индонезии и Малайзии, что в условиях слабого пограничного контроля облегчает свободный трафик оружия, денег и трансграничное перемещение боевиков, которые могут легко уходить от преследования, скрываясь в джунглях архипелага.

Во-вторых, здесь уже не одно десятилетие действуют исламистские организации, присягнувшие на верность группировке ИГИЛ, которая в ноябре 2016 г. назначила эмиром этих организаций Иснилона Хапилона, лидера самой воинствующей филиппинской террористической группировки Абу Сайяф. Многие из местных террористов прошли военную подготовку в лагерях боевиков, расположенных на юге Филиппин, где наряду с ними «искусству террора» обучались и исламистские экстремисты из других стран ЮВА. Между ними уже давно установлены контакты, которые дополняются связями с международными террористическими организациями.

В-третьих, сохраняющийся этно-конфессиональный конфликт на юге Филиппин (подавляющее большинство населения страны исповедует католицизм), где мусульманское меньшинство населения уже много десятилетий не прекращает борьбу за самостоятельность (она понимается либо как полная независимость региона от центрального правительства и создание исламского государства для народа моро, либо как широкая автономия), создает питательную среду для распространения радикальных настроений в местном обществе.

Социально-экономические факторы также играют не последнюю роль в радикализации местного мусульманского населения, низкий уровень экономического положения которого усиливает передаваемое из поколения в поколение чувство обиды и несправедливости, переходящее в ненависть к государству и к немусульманам. Согласно выводам экспертов, многие мусульманские группировки, действующие на юге Филиппин, считают, что насилие является единственным способом привлечь внимание властей к проблемам местного сообщества [Samuel 2016: 98].

В-четвертых, мобилизации сторонников насильственной борьбы с правительством, которая в последние годы приобретает ярко выраженный религиозный характер, способствует и то обстоятельство, что в социальной структуре общества доминируют семейно-клановые отношения, которые и используются исламистскими экстремистами для пополнения своих рядов. Например, ядро террористической группировки Мауте составляют представители политически влиятельной и богатой мусульманской семьи, проживающей в г. Марави (клан Маранао), связанной кровными узами с верхушкой другой экстремистской организации — «Исламский освободительный фронт Моро», а также с лидерами исламистской группировки «Исламские борцы за свободу Бангсаморо».

Даже после освобождения г. Марави от исламистских экстремистов угроза эскалации терроризма на Филиппинах, как и в других странах ЮВА, сохраняется. Эта террористическая атака дает повод задуматься над несколькими вопросами.

Во-первых, насколько велика опасность регионализации и интернализации терроризма в странах Юго-Восточной Азии и объединения радикальных мусульман под флагом ИГИЛ? Известно, что в террористической атаке на г. Марави принимали участие 4 группировки боевиков, а между двумя террористическими структурами — Мауте и Абу Сайяф — налажены тесные контакты, которые подкрепляются связями с террористами в Индонезии и Малайзии. Разведслужбам Филиппин стало известно, что бывший преподаватель малазийского университета д-р Махмуд, присягнувший на верность ИГИЛ, планировал создать официальное подразделение этой организации на Филиппинах путем объединения различных филиппинских, индонезийских и малазийских террористических группировок³.

Не реализуется ли действительно сегодня замысел ИГИЛ по созданию на юге Филиппин своей базы с хорошо обученными боевиками, оснащенными современным оружием? По данным разведслужб Индонезии, летом 2017 г. здесь находились примерно 1200 террористов, связанных с ИГИЛ⁴. В нападении на г. Марави приняли участие боевики из Малайзии, Индонезии, Сингапура, Йемена, Марокко и Саудовской Аравии. Не является ли это свидетельством того, что ИГИЛ намеревается открыть новый джихадистский фронт в ЮВА? По информационному каналу ИГИЛ ANA было передано сообщение, что в шести районах на юге Филиппин создано 10 батальонов боевиков, подконтрольных этой группировке⁵.

По мнению главного прокурора Филиппин Жозе Калида, «происходящее на о. Минданао перестало быть мятежом граждан Филиппин. Этот мятеж превращается в нашествие иностранных террористов, которые выполняют указание ИГИЛ по созданию здесь его плацдарма»⁶.

Во-вторых, не являются ли последние события на юге Филиппин хорошо спланированной акцией ИГИЛ по оживлению терроризма в странах Юго-Восточной Азии? Вряд ли можно считать случайным тот факт, что накануне атаки на г. Марави прогремели также взрывы в Таиланде и Индонезии, где действуют подпольные террористические группы. Руководство стран ЮВА обеспокоено тем, что ИГИЛ может расширить свою экспансию за пределы южных районов Филиппин и повлиять на развитие ситуации во всем регионе. Эксперты Института по изучению политических конфликтов, расположенного в Джакарте, пришли

³ Militants aim to unite regional terror cells to form official ISIS faction in South East Asia. The Straits Times. November 14, 2015 (accessed: 13/08.2017).

⁴ Gutierrez N. Regional intel: ISIS fighters in Mindanao triple PH's estimate. June 04 2017. URL: <https://www.rappler.com/world/regions/asia-pacific/171920-isis-regional-intelligence-isis-fighters-philippines> (accessed: 23.08.2017).

⁵ Hutt D. New age war on terror for Southeast Asia // Asia Times. June 7, 2017. URL: <http://www.atimes.com/article/new-age-war-terror-southeast-asia> (accessed: 3.08.2017).

⁶ Griffiths J. ISIS in Southeast Asia: Philippines battles growing threat. CNN May 29, 2017. URL: <http://edition.cnn.com/2017/05/28/asia/isis-threat-southeast-asia/index.html> (accessed: 4.07.2017).

к мнению, что риски не уменьшатся с освобождением г. Марави. Его осада, предпринятая сторонниками ИГИЛ, может вдохновить других террористов на подобные акции и привести к объединению разрозненных исламистских групп [Marawi... 2017: 1].

УГРОЗА ТЕРРОРИЗМА НАРАСТАЕТ

Даже если ИГИЛ не удастся создать свою провинцию («*wilayat*») на юге Филиппин (ранее в его планы входило укрепиться в Индонезии, на о. Сулавеси в городе Посо, где действовала террористическая группировка «Муджахидин Индонезия Тимур» под командованием Сантосо, но этому замыслу помешала успешно проведенная в 2016 г. контртеррористическая операция по нейтрализации Сантосо), то это не означает, что его влияние на развитие джихадистского движения в ЮВА ослабнет. Воздействие ИГИЛ на политическую ситуацию в регионе проявляется напрямую — в нарастании экстремизма и росте угрозы терроризма — и косвенно — в усилении исламистского радикализма в политическом развитии мусульманских стран.

Создание ИГИЛ представляет непосредственную угрозу для безопасности стран ЮВА, поскольку побуждает к активизации действий местные экстремистские группировки исламистского толка. Все они едины в своем отрицании демократической системы власти, на смену которой должны прийти исламское государство и шариат. Региональные исламистские группировки уже не первое десятилетие вынашивают планы по созданию салафитского халифата в Юго-Восточной Азии под названием Даулах Исламиях Нусантара с включением в него территорий Индонезии, Малайзии, Сингапура, Брунея, юга Филиппин и юга Таиланда. А создание ИГИЛ укрепило их в вере в правильность выбранного пути.

Угроза распространения влияния ИГИЛ в регионе объясняется наличием здесь организационной базы террористов, имеющих давние контакты с международными террористическими структурами, сильных лидеров, готовых присягнуть на верность халифату, восприимчивой к этой идее социальной базы, способной численно возрасти в случае активного возвращения боевиков ИГИЛ на родину. По имеющимся далеко не полным оценкам, на стороне ИГИЛ воюют около 700—800 граждан ЮВА [ISIS in the Pasific... 2016: 3].

В Индонезии еще в 2014 г. свою солидарность с ИГИЛ выразили 2 тыс. человек, входящих в состав 19 террористических группировок, присягнувших на верность квазигосударству [Snider 2016], они в основном являются приверженцами идеологии такфиризма и твердо убеждены в том, что любой, кто отрицает законы ислама и работает на правительство Индонезии, является «кяфиром» («неверным») [Chan 2015: 18]. В Малайзии, которая до 2016 г. не подвергалась угрозе террористических нападений со стороны местных исламистских радикалов, возникла реальная опасность активизации исламистских экстремистов, вдохновленных идеей создания «суперисламского» халифата. Они сформировали 7 новых террористических группировок, связанных с ИГИЛ. За последние 2 года в стране по обвинению в причастности к вооруженной деятельности было арестовано 260 человек и раскрыто 10 терактов, готовившихся сторонниками ИГИЛ [Jayakumar 2017].

В Индонезии, которая является одним из главных поставщиков боевиков для ИГИЛ, его сторонниками было совершено 4 теракта (самый крупный из них в январе 2016 г. в Джакарте) и вовремя предупреждено 5 (в том числе ракетный обстрел Сингапура с территории Индонезии).

Новым явлением для Индонезии стала перегруппировка сил внутри террористического подполья, проявившаяся в создании множества мелких ячеек, независимых друг от друга. В отличие от начала 2000-х гг., когда исламистские экстремисты были объединены под началом «Джемаа Исламия» (ДИ) (ответственной за теракт на о. Бали в 2002 г., жертвами которого стали 202 человека), сегодня они предпочитают действовать в рамках небольших ячеек, руководствуясь интересами своего выживания — их труднее отследить⁷.

С укреплением положения ИГИЛ на Ближнем Востоке у последователей этой группировки в Индонезии появилось стремление объединить разрозненные формирования, присягнувшие ей на верность, под единым началом. Ядром этой новой структуры должна была стать организация «Джамах Аншаруд Даулах» (ДЖАД) (переименованная потом в «Аншаруд Даулах Исламиах», «Джамах Аншарул Кхилафах» и, наконец, в «Джамах Аншарул Кхилафах Исламиах»). ДЖАД была создана в 2015 г. по инициативе находившегося в тюрьме бывшего лидера ДИ проповедника Амана Абдурахмана, который планировал превратить организацию в подразделение ИГИЛ в Индонезии с перспективой создания здесь провинции квазигосударства ИГИЛ. В состав ДЖАД вошли члены других террористических группировок [Disunity Among... 2016: 5—8]. Предполагается, что именно ДЖАД стоит за терактом в Джакарте, совершенном по указанию ИГИЛ, с подразделением которого, «Катибах Масьярик», поддерживаются контакты.

Однако появление этой новой террористической структуры не привело к окончательному объединению всех сторонников ИГИЛ. Они могут одновременно входить в состав разных ячеек, часть из которых создается бывшими боевиками так называемого Исламского государства, возвратившимися на родину. По данным разведслужб региона, только за первую половину 2017 г. их число составило 100 человек⁸. Они прошли военную подготовку и идеологическую обработку, накопили опыт террористической борьбы и обросли международными связями, которые нередко подкрепляются семейными и дружескими узами. Сделанное экспертами предположение о том, что так называемые странствующие джихадисты могут присоединиться к террористам в ЮВА, было подтверждено участием таких странствующих террористов в осаде г. Марави [Abuza 2016].

Возвратившиеся из зоны конфликта боевики, которых нередко называют «волками-одиночками», могут оказать серьезное влияние на развитие джихадистского движения в ЮВА. Исходящая от них угроза измеряется не только их готовностью к совершению терактов, но и их способностью вдохновить на это мест-

⁷ Radical Islam in Indonesia // Indonesia Investments. 16 August 2017. URL: <https://www.indonesia-investments.com/business/risks/radical-islam/item245?> (accessed: 17.08.2017).

⁸ New age war on terror for Southeast Asia // Asia Times. June 7, 2017. URL: <http://www.atimes.com/article/new-age-war-terror-southeast-asia> (accessed: 10.07.2017).

ных исламистов, которые относятся к ним как к героям и воспринимают их как «естественных лидеров» экстремистских ячеек. Они способны организовать и даже попытаться объединить местных террористов в том случае, если откажутся от личных амбиций, что до последнего времени препятствовало сплочению террористов под единым началом⁹.

В то же время наличие мелких террористических ячеек представляет не меньшую угрозу для безопасности стран ЮВА, поскольку каждая из них захочет доказать ИГИЛ свою преданность и боеспособность, используя в качестве аргумента теракты [Disunity Among... 2016].

О том, что в Индонезии происходит процесс оживления террористических организаций, свидетельствует и факт возрождения ДИ, которая после 2010 г. отказалась от терактов и «залегла на дно». Это, по мнению Б. Сингха, стало стратегическим маневром, позволившим ДИ восстановиться, чтобы в будущем участвовать в джихаде [Singh 2017]. В этих целях она создала военизированное подразделение из числа молодежи, в основном студентов высших учебных заведений. Возможность радикализации студенчества и его привлечения в ряды ДИ А. Примихалда объясняет тем, что многие студенты в Индонезии, впервые оказавшиеся вне дома, испытывают потребность в защите со стороны социальной структуры, и такую защиту им предоставляют экстремистские сети [Samuel 2016: 45].

Эксперты Института по изучению политических конфликтов пришли к выводу, что те, кто получил подготовку в рядах ДИ, скорее всего, будут проявлять нетерпение и захотят проверить свои навыки. Они считают, что возможное в будущем отделение от ДИ ее военизированной структуры приведет к появлению в среде индонезийских исламистских экстремистов «самой профессиональной по своей организации, по уровню подготовки и мобилизирующему началу террористической группы» [The Re-Emergence of Jemaah... 2017: 12].

По мнению индонезийского аналитика Юханиеса Суламаина, нынешний отряд джихадистов очень молод по своему возрасту и связывает себя с ИГИЛ, видя в нем движение будущего — более активное и более радикальное [Abuza 2016: 21].

Стратегия экспорта терроризма, которая сегодня активно апробируется ИГИЛ во многих странах, в том числе и ЮВА, зависит от поддержки мусульман и вербовки новых боевиков, которые подвергаются идеологической обработке через социальные сети. Уже к 2015 г. в Малайзии было зафиксировано более 500 связанных с ИГИЛ учетных записей в социальных сетях [Yasin 2017: 9]. По данным разведслужб, 95—98% сторонников ИГИЛ в Малайзии и Индонезии были завербованы через Интернет [Hamid 2016]. По мнению экспертов ООН, ИГИЛ рассматривает ЮВА как основной центр по вербовке боевиков¹⁰.

Подготовку терактов силами «волков-одиночек», инструктаж боевиков и даже проведение самой операции ИГИЛ осуществляет также через Интернет, используя

⁹ Singh J. IS returnees pose a danger // *New Straits Times*. 22 January 2016.

¹⁰ Nineteenth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team concerning Islamic State in Iraq and the Levant (Da'esh), Al-Qa'ida and associated individuals, groups, undertakings and entities. United Nations Security Council. January 13, 2017. P. 19.

различные закодированные мессенджеры, прежде всего, Telegram, что побудило власти Индонезии прибегнуть к его блокировке в июле 2017 г.

Пропагандистская кампания ИГИЛ в Интернете достигает своей цели тогда, когда ее аудитория уже подвержена процессу радикализации. При этом факторы, побуждающие людей поддерживать ИГИЛ, могут быть самые разные:

— общность идеологических позиций и сходство взглядов на характер мироустройства (например, некоторые индонезийцы воспринимают ИГИЛ не как террористическую организацию, а как халифат) [Samuel 2016: 40];

— обостренное чувство несправедливости и уверенность в том, что мусульмане подвергаются дискриминации и, как следствие, ненависть к Западу, к его ценностям и культуре;

— недовольство проводимой правящей властью политикой (например, один малайзийский боевик назвал в качестве причины своего присоединения к ИГИЛ неприятие правящей партии УМНО, а другой был недоволен тем, как одеваются современные женщины в Малайзии).

Угроза радикализации мусульманских стран ЮВА, во многом инспирированная извне, нарастает в условиях укрепления идейно-политических позиций консервативной части суннитской общины, настроенной враждебно по отношению к представителям других этносов и иных религиозных течений. Идея толерантности, лежащая в основе умеренного ислама как в Индонезии, так и в Малайзии (несмотря на преследование шиитов и гонения на представителей других конфессий) и являющаяся залогом существования светского государства, деформируется под влиянием усиливающейся пропаганды идеи исключительной мусульманской идентичности. А это ведет к вытеснению понятия гражданства как организационного принципа построения демократического государства.

И в Индонезии, и в Малайзии происходит политизация ислама под влиянием как внешних (экспорт идеологии исламского фундаментализма из стран Ближнего Востока), так и внутренних факторов (социально-экономическое неравенство и просчеты внутренней политики). В Малайзии наблюдается процесс включения некоторых принципов салафизма в политику правящей партии — УМНО, выступающей под лозунгом защиты интересов малайских мусульман от угрозы со стороны других религий и этносов. Обращение к тематике религиозной исключительности малайских мусульман позволяет УМНО, реагирующей на общественный запрос, одерживать победу на парламентских выборах. Последствием такой политики становится нарастание этнорелигиозной напряженности в обществе, которую пока удается удерживать от экстремистских форм выражения.

Этого нельзя сказать об Индонезии, где отход от умеренного ислама проявился при предыдущем президенте С. Юдхойоно, который приоткрыл политическое пространство для деятельности исламистских структур. Сегодня они сосуществуют с ведущими мусульманскими организациями умеренного толка. Именно на них государство делает ставку в борьбе с распространением влияния ИГИЛ в стране, противопоставляя его идеологии индонезийское религиозное учение Ислам Нусантара.

Мусульманские страны ЮВА стоят на пороге политического кризиса, проявляющегося в расколе общества на тех, кто поддерживает конституционное светское правительство, и тех, кто использует ислам для борьбы с плюралистическим демократическим государством. Распространение транснационального терроризма усиливает это политико-религиозное размежевание в обществе. А формирующийся в этих странах климат религиозной нетерпимости благоприятствует популяризации идеологии ИГИЛ.

На вопрос, готовы ли сегодня страны ЮВА к отражению удара ИГИЛ, однозначно ответить трудно. Хотя в последние 3 года значительно активизировалась контртеррористическая деятельность государств региона, усилены меры безопасности, проведены успешные операции по поимке террористов и раскрытию заговоров, тем не менее, угроза терроризма не только сохраняется, но и усиливается. При этом просчитываются различные сценарии развития ситуации в условиях как победы, так и поражения ИГИЛ на Ближнем Востоке. И в том, и в другом случае возможности влияния этой группировки на развитие джихадистского движения в ЮВА с сопутствующим высоким уровнем террористической угрозы остаются достаточно большими.

И хотя вероятность образования халифата на территории ЮВА невысока, тем не менее, в условиях распространения международного терроризма возрастает риск быстрой радикализации мусульманской общины. Для мусульманских стран ЮВА это имеет серьезные политические последствия, которые выражаются в возможном расколе общества при проявлении его религиозной нетерпимости, в подрыве стабильности пока еще хрупких демократических режимов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Abuza Z.* The Strategic and Tactical Implications of the Islamic State on Southeast Asia's Militant Groups // *Georgetown Journal of Asian Affairs*. Fall 2016. P. 20—30. URL: https://asianstudies.georgetown.edu/sites/asianstudies/files/do30cuments/gjaa_3.1_abuza_0.pdf (accessed: 28.08.2017).
- Chan A.* The Call of ISIS: The Medium and the Message Attracting Southeast Asians // *Counter Terrorist Trends and Analysis*. May 2015. Vol. 7. N 4. P. 4—9.
- Disunity Among Indonesian ISIS Supporters and The Risk of More Violence*. IPAC Report N 25. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta. 1 February 2016.
- Gunaratna R.* Islamic State branches in Southeast Asia // *Pacific Forum*. CSIS. 19 January, 2016. N 7. URL: http://csis.org/files/publication/160119_PacNet_1607.pdf (accessed: 20.08.2017).
- Gunaratna R.* The Siege of Marawi: A Game Changer in Terrorism in Asia // *Counter Terrorist Trends and Analyses*. Journal of the International Center for Political Violence and Terrorism Research. 2017. Vol. 9. N 7. P. 4—8.
- Hamid A.F.A.* Islamic State in Southeast Asia: Internalized Wahhabism Is Major Factor // *Eurasia Review Journal*. Institute of Southeast Asian Studies. May 18, 2016. URL: <http://www.eurasiareview.com/18052016-islamic-state-in-southeast-asia-internalized-wahhabism-is-major-factor-analysis/> (accessed 13.08.2017).
- ISIS in the Pacific: Assessing Terrorism in Southeast Asia and the Threat to the Homeland*. Testimony before the Subcommittee on Counterterrorism and Intelligence Committee on Homeland Security. United States House of Representatives. April 27, 2016.

- Jayakumar S.* The Islamic State Looks East: The Growing Threat in Southeast Asia // CTC Sentinel. 2017. Vol. 10. N 2. P. 27—33.
- Marawi, the 'East Asia Wilayah' and Indonesia.* IPAC Report N 38. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta. 21 July 2017.
- Pro-ISIS Groups in Mindanao and Their Links to Indonesia And Malaysia.* IPAC Report N 33. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta. 25 October 2016.
- Samuel Th.* Radicalization in Southeast Asia. A Selected Case Study of Daesh in Indonesia, Malaysia and The Philippines. The Southeast Asia Regional Centre for Counter-Terrorism (SEARCCT). Ministry of Foreign Affairs. Malaysia, 2016.
- Singh B.* Jemaah Islamiyah: Still a Latent Threat // RSIS commentary. S. Rajaranam School of International Studies. N 075. April 24, 2017.
- Snider J.* Beyond Performativity: Islamic State (ISIL) and Indonesia's Counter-radicalization Challenge. Middle East Institute. August 25, 2016. URL: <https://www.mei.edu/content/map/beyond-performativity-islamic-state-isil-and-indonesia> (accessed: 24.08.2017).
- The Re-Emergence of Jemaah Islamiyah.* IPAC Report N 36. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta. 27 April 2017.
- Yasin N.* The Evolution of Online Extremism in Malaysia // Counter Terrorist Trends and Analyses. A Journal of the International Centre for Political Violence and Terrorism Research. 2017. Vol. 9. N 7. P. 9—14.

Дата поступления статьи: 01.09.2017

Для цитирования: *Рогожина Н.Г.* Угроза терроризма в странах Юго-Восточной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 697—709. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-697-709.

Сведения об авторе: *Рогожина Наталья Григорьевна* — д-р полит. наук, главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: ngrogozhins@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-697-709

THE THREAT OF TERRORISM IN SOUTH-EAST ASIA

N.G. Rogozhina

Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Moscow, Russia

Abstract. The article is dedicated to the analysis of ISIS impact on the evolution of jihadist movement in the countries of South-East Asia with implication for heightening the threat of terrorism in the region where 15% of the world Muslim population live and where long standing terrorist Islamite groups have been harboring a plan of creating a salafi caliphate for decades. The author explores the causes of vulnerability of Muslim countries of South-East Asia towards expansion of radical Islam ideology that creates prerequisites for involvement of local jihadists in the international terrorist movement with implication for stability of the region. The formation of ISIS poses direct threat for security of countries of South-East Asia as it stimulates the intensification of activity of local extremist Islamic groups. They share the

common position characterized by denial of democratic system of government that should be replaced by sharia governance. The attack on town Marawi (the South of the Philippines), conducted by local extremists that support ISIS has become the warning for other countries of South East Asia of reinforced threat of regionalization and internalization of terrorism and of region becoming the new front of battle for ISIS planning to create its base there.

The author analyses risks of growing interest of ISIS towards region where it conducts goal-directed activity aimed at expanding its social base and mobilizing its supporters while looking at the region as its main base for recruiting fighters in the context of promoting its strategy of export terrorism using “lone wolves”. For this purpose, ISIS applies different political instruments considering propaganda of jihad in Internet as the most effective way to exert ideological influence on local Muslim population. The author concludes that the formation of ISIS has resulted in renovation of terrorism in South-East Asia and emergence of different small terrorist cells, what leads to upgrading the level of terrorism threat in the region. The impact of ISIS on political situation in the region is displayed directly — by promoting extremism and reinforcing the threat of terrorism and indirectly — by intensifying the process of Islamic radicalization in the political development of Muslim countries of South-East Asia.

Key words: South-East Asia, terrorism, ISIS, jihadists, radicalization, extremist organization

REFERENCES

- Abuza, Z. (2016). The Strategic and Tactical Implications of the Islamic State on Southeast Asia's Militant Groups. *Georgetown Journal of Asian Affairs*, 20—30. URL: https://asianstudies.georgetown.edu/sites/asianstudies/files/do30cuments/gjaa_3.1_abuza_0.pdf (accessed: 28.08.2017).
- Chan A. (2015). The Call of ISIS: The Medium and the Message Attracting Southeast Asians. *Counter Terrorist Trends and Analysis*, 7 (4), P. 4—9.
- Disunity Among Indonesian ISIS Supporters and The Risk of More Violence*. (2016). IPAC Report N 25. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta.
- Gunaratna, R. (2016). Islamic State branches in Southeast Asia. *Pacific Forum*, 7. URL: http://csis.org/files/publication/160119_PacNet_1607.pdf (accessed: 20.08.2017).
- Gunaratna, R. (2017). The Siege of Marawi: A Game Changer in Terrorism in Asia. *Counter Terrorist Trends and Analyses*. Journal of the International Center for Political Violence and Terrorism Research, 9 (7), 4—8.
- Hamid, A.F.A. (2016). Islamic State in Southeast Asia: Internalized Wahhabism is Major Factor. *Eurasia Review Journal*. Institute of Southeast Asian Studies. Oregon. URL: <http://www.eurasiareview.com/18052016-islamic-state-in-southeast-asia-internalized-wahhabism-is-major-factor-analysis/> (accessed: 13.08.2017).
- ISIS in the Pacific: Assessing Terrorism in Southeast Asia and the Threat to the Homeland* (2016). Testimony before the Subcommittee on Counterterrorism and Intelligence Committee on Homeland Security. United States House of Representatives.
- Jayakumar, S. (2017). The Islamic State Looks East: The Growing Threat in Southeast Asia. *CTC Sentinel*, 10 (2), 27—33.
- Marawi, the 'East Asia Wilayah' and Indonesia*. (2017). IPAC Report N 38. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta.
- Pro-ISIS Groups in Mindanao and Their Links to Indonesia And Malaysia*. (2016). IPAC Report N 33. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta.
- Samuel, Th. (2016). *Radicalization in Southeast Asia. A Selected Case Study of Daesh in Indonesia, Malaysia and The Philippines*. The Southeast Asia Regional Centre for Counter-Terrorism (SEARCCT). Ministry of Foreign Affairs, Malaysia.
- Singh, B. (2017). *Jemaah Islamiyah: Still a Latent Threat*. RSIS commentary. S. Rajaranam School of International studies. 075.
- Snider, J. (2016). *Beyond Performativity: Islamic State (ISIL) and Indonesia's Counter-radicalization Challenge*. Middle East Institute. Washington. URL: <https://www.mei.edu/content/map/beyond-performativity-islamic-state-isil-and-indonesia> (accessed: 24.08.2017).

The Re-Emergence of Jemaah Islamyah. (2017). IPAC Report N 36. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta.

Yasin, N. (2017). The Evolution of Online Extremism in Malaysia. *Counter Terrorist Trends and Analyses*. A Journal of the International Centre for Political Violence and Terrorism Research, 9 (7), 9—14.

Received: 01.09.2017

For citations: Rogozhina N.G. (2017). The Threat of Terrorism in South-East Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 697—709. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-697-709.

About the author: *Rogozhina Nataliya Grigorievna* — Doctor of Political Science, Chief Researcher, Center for Development and Modernization Studies Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (e-mail: ngrogozhina@mail.ru).

© Рогожина Н.Г., 2017